

И.Г.ГАМИДОВ
Бакинский славянский университет

**ОБ АСИММЕТРИИ ЛИНЕЙНОГО РАСПОЛОЖЕНИЯ ЧАСТЕЙ
СЛОЖНОПОДЧИНЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ
АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)**

Аннотация. Статья посвящена анализу одного достаточно уникальному как для азербайджанского, так и для русского сложноподчиненного предложения явлению-возможности интерпозитивного расположения главной части в придаточном. Логика позиционной вариативности частей (компонентов) гипотактической конструкции исключает подобную дислокацию главного предложения в обоих языках. Однако речевая реальность подтверждает обратное. Возможность интерпозиционного употребления главного предложения проявляется в сопоставляемых языках по-разному – либо как явление некодифицированного языка, либо же в известной мере как нормативное.

Açar sözlər: TMC komponentlərinin mövqeyi, baş cümlənin interpozisiyası, normativ/qeyri normativ işlənmə, danışıq dili

Ключевые слова: позиции компонентов СПП, интерпозиция главной части, нормативное/ненормативное употребление, разговорная речь

Key words: position of components, interposition of main part, normative and deviant usage, informal language

Вопросы линейной организации сложноподчиненных предложений, как показывает история гипотактики, всегда привлекали внимание синтаксистов. Такое положение характерно как для русского, так и для азербайджанского языкознания, в котором теория сложноподчиненного предложения представлена достаточно глубокими исследованиями.

Вместе с тем существует ряд вопросов семантико-структурной и линейной организации сложноподчиненных предложений, требующих либо окончательного теоретического осмысления в ряду существующих квалификаций, либо же предметной постановки. В данном случае предметом нашего внимания будет явление интерпозиции главного предложения в линейной структуре сложноподчиненного предложения в азербайджанском и русском языках, иначе говоря, комплекс конструкций с включенной главной частью в составе придаточного предложения.

Проблема взаимоотношения и взаимосвязи главной и придаточной частей в структуре сложноподчиненного предложения составляет неизменный параметр изучения в

системе семантико-структурных особенностей сложноподчиненного предложения, противопоставляющих последнее сложносочиненным и бессоюзным конструкциям.

В этом плане общим местом в теории является признание того, что придаточная часть может располагаться в трех позициях относительно главного предложения – препозиции, интерпозиции и постпозиции (с учетом, конечно, степени релевантности этого свойства для различных типов придаточных). Главная же часть может занимать лишь препозицию и постпозицию в структуре сложноподчиненного. Подобная форма дислокации частей признается достаточно доказанным и бесспорным свойством сложноподчиненных конструкций. Более того, когда речь идет о линейном расположении частей сложноподчиненного предложения (СПП), внимание синтаксистов сосредоточивается на возможностях позиционного расположения лишь придаточной части (см. 11, с. 49-50).

При этом, видимо, логически подразумевается, что если придаточная находится в препозиции, то, следовательно, главная часть занимает постпозицию, и наоборот. И то, что придаточная часть может занимать характерную для нее интерпозицию, для структуры СПП считается вполне нормативным. Вопрос об интерпозиции главной части вообще не рассматривается: интерпозиция главного предложения, т.е. «чтобы главное оказалось внутри придаточного, не допускается» (4, с. 210).

Всегда ли дело обстоит так? Положительный или отрицательный ответ в данном случае обусловлен выяснением целого ряда моментов, связанных со степенью взаимопроникновения частей в СПП, с семантическим весом той или иной части в организации «единой сложной мысли», а также с квалификацией порядка расположения частей в СПП в качестве средства связи между его частями. В последнее время возможности порядка расположения частей чаще всего квалифицируются как средства связи СПП, тем самым придается этому явлению статус особого синтагматического, лексико-грамматического средства в организации общей структуры СПП.

Так, например, авторы учебника «Современный русский язык» (2006) дают дифференцированную характеристику порядка расположения частей в различных видах сложных предложений: относительно сложносочиненных конструкций порядок расположения частей считается дополнительным средством связи между частями (3, с. 432), а в сложноподчиненных и бессоюзных предложениях принимается в качестве одного из основных средств связи (3, с. 458 и с. 504).

Порядок расположения частей (способы линейной организации, по выражению И.Н.Кручининой, – см. 6) в сложных предложениях вообще и в сложноподчиненных предложениях, в частности, в современной научной литературе рассматривается в различных аспектах. Данное явление квалифицируется не только с точки зрения его роли в выражении степени взаимосвязи частей того или иного типа сложного предложения, но и с точки зрения отношения актуального членения к формальной и смысловой организации сложных предложений. «Порядок частей в сложном предложении (подобно порядку слов в простом предложении) представляет собой сложное многофункциональное явление... То или иное расположение частей определяется ситуацией речи, коммуникативным заданием предложения и выражает его актуальное членение», – пишет В.А.Белошапкина (7, с. 514; см. также 9).

Порядок следования частей сложного предложения рассматривается также в аспекте типологической значимости, «так как в различных структурно-семантиче-

ских типах сложноподчиненного предложения он может быть по-разному связан с другими структурными признаками..., семантикой структурных типов и, наконец, с функционированием их в речи» (8, с. 94).

Многофункциональность порядка расположения частей тесно связана также с типологической характеристикой открытых/закрытых структур, статических/динамических конструкций (5, с. 25-26), с возможностями определения сферы вариативности сложноподчиненного предложения.

Таким образом, принципы дислокации частей сложного предложения, особенно СПП, приобретают особую ценность в определении параметров не только грамматической природы сложных предложений, но и их коммуникативного назначения. Проблемы сочетаемости компонентов сложного предложения в том или ином порядке – задача не периферийного характера, и она требует особого внимания (см. 10, с. 71-75; 12, с. 33-36 и др.).

В данном сообщении мы ставим одну частную проблему – из общего комплекса задач, связанных с линейным расположением компонентов (частей) сложноподчиненного предложения. Это – вопрос о языковой/речевой реальности конструкций СПП с интерпозицией главного предложения в русском и азербайджанском языках. Имеем в виду такие СПП, как:

1. Nə qədər fikirləşirəm, nicat yolu tapa bilmirəm. Atamdan da, bilirəm ki, mənə haray olmayacaq (N.B.Vəzirov. Ağa Kərim xan... əvvəlinci məclis). 2. Mən onun üstündə, bir allah bilir ki, nə qədər əziyyət çəkmişəm (M.Hüseyn. Səhər. IV hissə, VIII fəsil). 3. –Niyə, balam, gülmək həkimlər deyir ki, çox faydalıdır, ömrü uzadır (Ə.Əbülhəsən. Sədaqət. XII fəsil). 4. – Xeyr, ay bəy, elə köpəkoğluluq olarmı? Mən sizin qarıda, özün bilirsən ki, neçə illərdir çörək yeyirəm (M.Cəlal. Dirilən adam. Yanğı).

Приведенные СПП, как видим, обнаруживают одну общую структурную особенность – главная часть помещена внутрь придаточной части, иначе говоря, главная часть находится в интерпозиции относительно придаточного предложения, один или несколько функциональных элементов придаточной части вынесены в препозицию к главной части.

Мы специально привлекли конструкции с наиболее широко распространенным изъяснительно-пояснительным союзом ki с тем, чтобы показать возможность (хотя бы чисто визуальную) отграничения подчеркнутых, выделенных главных частей от схожих вводно-модальных конструкций. Дело в том, что случаи, когда интерпозитивная главная часть выражена нераспространенными односоставными предложениями, чисто внешне – по грамматической форме – напоминают вводные слова. Ср.: Atamdan da, bilirəm ki, mənə haray olmayacaq = Atamdan da, bilirəm, mənə haray olmayacaq (досл.: От отца тоже, знаю что, мне помощи не будет = От отца тоже, знаю, мне помощи не будет).

В первом случае интерпозитивная главная часть выражена односоставным определенно-личным предложением (знаю, что), сопровождающимся вышеотмеченным изъяснительным союзом ki. Во втором случае этот же интерпозитивный элемент представлен словом «bilirəm» (знаю) без подчинительного союза, отмечающего границы главной и придаточной частей.

Элементы с союзом ki (bilirəm ki) и без этого союза следует считать, как нам представляется, средствами из арсенала синтаксической стилистики (синтаксиче-

ской синонимии). Ставить между ними знак равенства ни в коей мере нельзя прежде всего по той причине, что интерпозитивная главная часть «Biligəm ki» (Знаю, что) обладает определенным влиянием на структуризацию всего СПП; вводно-модальное же слово «biligəm» (знаю – в значении «понятно», «ясное дело») такими структурообразующими возможностями не обладает и поэтому не входит в определенные синтаксические связи и отношения с конкретными структурными элементами СПП. Этот вопрос синтаксической стилистики в данном случае нас не занимает. Достаточно согласиться с мнением А.А.Шахматова о том, что глагольные вводно-модальные слова (и сочетания) вышеотмеченного типа образуются от односоставных предложений глагольного типа. Обратный процесс – превращения модальных элементов в предикативные единицы – А.А.Шахматовым не рассматривается (13, с. 265-272). Более того, как видно будет из последующих примеров, не все интерпозитивные главные предложения допускают условную трансформу на вводные элементы в силу своей сугубо предикативной, предложенческой структуризации.

Наше внимание в дальнейшем будет сосредоточено на определении места вышеприведенных конструкций в общей системе СПП азербайджанского языка, на решении вопроса их речевой / языковой реальности, поскольку этот вопрос в азербайджанистике (да и в общей тюркологии, видимо, тоже) ставится впервые.

В целях внесения ясности хотелось бы отметить результаты теоретического осмысления данного явления (асимметрии линейного расположения частей СПП) в русской синтаксической традиции.

Так, вопрос о языко-речевой реальности асимметричного способа линейной организации СПП впервые был поставлен И.Н.Кручининой (6, с. 235-248). Автор статьи для предварительной характеристики СПП с интерпозитивным главным предложением указывает на то, что: а) со стороны линейной организации эти конструкции отличаются вынесением в начало предложения (т.е. СПП) отдельных элементов или даже целых синтагм, «синтаксически прикрепленных к придаточной части...», при этом главная часть СПП оказывается в интерпозиции по отношению к придаточной; б) такие конструкции употребляются «преимущественно в непринужденной разговорной речи» и занимают некоторое место в «бытовых» жанрах современной художественной и особенно газетной речи» (там же, с. 237-238). Далее автор отмечает степень фрагментарности исследовательского внимания к этим конструкциям, которые обозначаются как «предложения с главной частью внутри придаточной», и этим исчерпывается их синтаксическая квалификация (там же, с. 237).

В этой по всем меркам программной статье И.Н.Кручинина рассматривает целый инвентарь СПП с интерпозитивным главным предложением. Материал, насчитывающий более ста примеров, извлечен, в основном, из личной переписки таких мастеров слова как А.С.Пушкин, П.А.Вяземский, И.А.Крылов, Н.В.Гоголь, Л.Н.Толстой и мн. др.: О тебе нет и минуты, чтобы я не думала; Хозяйством нельзя сказать, чтобы он занимался и т.п.

Автор отмеченной статьи предпринимает достаточно серьезные попытки ответить на вопросы: а) соответствия/несоответствия употребления асимметричных конструкций СПП нормам литературного языка («за пределами письменной речи употребление таких конструкций если и не было фактической нормой, то по крайней мере сильно приближалось к ней»); б) степени интереса, проявляемого исследова-

дователями к этой проблеме (В.Новаковский, видимо, впервые обративший внимание на эти конструкции, считает эти построения ненормативными и утверждает, «чтобы не вышло странное подчинение главного предложения второстепенному: И птицам, грех сказать, чтобы давал потачку» (И.Крылов) (там же, с. 238); в) наконец, определения сугубо лингвистической сущности.

Существующая в русистике литература по данному вопросу однозначно свидетельствует о наличии противоположных взглядов. Неприятие языковой/речевой реальности этих конструкций проявлялось, как отмечает И.Н.Кручинина, в работе В.Новаковского «Синтаксический курс русского языка» (1860 г.).

Такое же негативное отношение к употреблению СПП с интерпозицией главного предложения высказывает А.Н.Гвоздев: «Противоположное расположение предложений, такое, чтобы главное оказалось внутри придаточного, не допустимо» (4, 210).

Исследовательское отношение к анализируемым конструкциям («высказываниям») положительно меняется в 70-х годах прошлого столетия. Так, авторы коллективной монографии «Русская разговорная речь» рассматривают конструкции типа «Плащ мне не нравится, что придется с собой тащить» с точки зрения сугубо разговорной их принадлежности (15, 397-402), акцентируя внимание на том, что эти структуры не привлекали еще к себе внимания исследователей разговорной речи (там же, с. 397). После общей достаточно объемной характеристики строения и вариативных возможностей конструкций с интерпозицией главного предложения авторы указанной монографии заключают: «Интерпозиция главной предикативной конструкции по отношению к зависимой не свойственна кодифицированному литературному языку» (там же, с. 399).

О речевой корректности отмеченных конструкций СПП говорит и Л.П.Даниленко в заметке с характерным названием «Сложноподчиненные предложения с главной частью внутри придаточной». Рассматриваются примеры типа: Служить он не хотел, а между тем уже были усвоены роскошные привычки жизни, от которых он считал, что не может отстать (Л.Н. Толстой Воскресенье, ч. I, гл. 3) и подобные (см. 16).

Материал СПП с отмеченной интерпозицией главной части рассматривался также Н.Ф.Павлюченковой в отдельной статье, посвященной вопросам формирования русского литературного языка, где, проанализировав группы конструкций из языка деловых исторических документов, автор заключает: «Конструкции с интерпозицией главной части не получили широкого распространения в языке 17-18 веков, поскольку имели структурные ограничения» (17, с. 117). Однако о каких конкретных ограничениях идет речь, автор не поясняет, ограничиваясь кратким описанием позиционных возможностей конструкций типа «Худомысл правда, что судья» = Правда, что Худомысл судья (там же).

Н.А.Давыдова предпринимает попытки квалифицировать отмеченные СПП («сложноподчиненные предложения с вынесенным членом конструкции», по терминологии автора) с позиций синтаксического синкретизма в области современной разговорной речи. Автор отмечает постоянные функциональные признаки этих конструкций: а) они обладают «четким набором постоянных и переменных дифференциальных признаков», обуславливающих их парадигматико-синтагматические возможности реализации в разговорной речи (18, с. 130); б) они имеют типизированный характер и отличаются достаточно высокой степенью воспроизводимости и частотности, «охватывая обиходно-

бытовую сферу и устную, публичную речь» (там же); в) синтаксический характер этих конструкций подтверждает мысль о «системной организации поля устно-разговорного синтаксиса» (термин О.А.Лаптевой) (там же).

Подобные заключения дают основание утвердиться в мысли о речевой (и языковой тоже): они являются реализациями модификации структурной схемы СПП реальности конструкций с интерпозицией главной части, таких, например, как: А он потом выясняется, что ничего об этом не слышал; Хлеба не знаю, где купить; В лагерь он сказал, что поедет сегодня... (примеры Н.А.Давыдовой) (там же, с. 129-130).

Отметим, что современные исследователи, рассматривающие отмеченные СПП, единодушны в их сугубо речевой принадлежности. По этой причине они призывают признать интерпозицию вообще (любой части сложного предложения) как явление, характерное для функционирования предложений в речи и требующее своей квалификации лишь «в плане функционально-речевом, а не собственно структурном» (8, с. 99).

Интерпретация функционирования СПП с интерпозицией главной части исторически исходила из комплексного характера реализации этих конструкций. Такой подход был осуществлен еще в 60-х годах XIX века в работе В.Новаковского, о которой упоминает И.Н.Кручинина (6, с. 238). Не менее интересные наблюдения представлены в известном труде Г.Пауля (1880), который, говоря о «взаимопереплетении главного и придаточного предложений», замечает: «Главное и придаточное предложения могут быть так тесно переплетены друг с другом, что отделение элементов одного из них от элементов другого становится невозможным... Во многих языках встречаются сложноподчиненные предложения, в которых главное предложение находится в такой логической зависимости от придаточного, что может быть воспринято как связующий член: при этом оно включается внутрь придаточного предложения (выделено нами – И.Г.). Часть придаточного предложения, стоящая впереди, образует тогда психологическое подлежащее или психологическое сказуемое. Особенно часто подобная конструкция наблюдается в вопросительных и относительных предложениях» (20, с. 360-361). В качестве иллюстрации к своему утверждению Г.Пауль приводит десятки примеров СПП с интерпозицией главного предложения из латыни, итальянского, английского, немецкого, испанского, провансальского, французского языков (20, с. 361).

Эти конструкции, по свидетельству И.Н.Кручининой, встречаются также и в славянских языках (14, с. 234).

Складывается весьма сложная картина: с одной стороны, конструкции СПП с интерпозицией главной части провозглашаются результатом неcodифицированного литературного языка, непринужденной обиходно-разговорной речи, интерпретируется как чуть ли ненормативно-ошибочные, а с другой – признаются специфическими композициями, достаточно четко и нормативно укладывающимися в парадигматико-синтагматическую систему СПП в том или ином языке (Г.Пауль и в известной мере Н.А.Давыдова и И.Н.Кручинина). Особое значение приобретают анализируемые нами конструкции в аспекте актуального членения, в рамках которого они проявляют свойства объективного изоморфизма с простым распространенным предложением. «Сходство между «одночленными» конструкциями сложного предложения и простым предложением было замечено давно... Парадигматичность простых и одночленных сложных предложений, их функциональная общность,

находит свое выражение не только в общности абстрактных схем их построения, передающих «одну и ту же структуру отношений», но и определенным способом выявляться в области их фразовой организации» (6, с. 247).

Вышесказанное позволяет выразить одну «крамольную» мысль: постановка знака равенства между отмеченными конструкциями, например, из русского языка и соответствиями из азербайджанского языка представляется не совсем верным, если даже эти конструкции а) организуются по одним и тем же правилам линейной структуризации, б) обнаруживают одни и те же типы актуального членения, в) представляют одни и те же модели одночленных СПП.

Безусловно, конструкции “Mən onun üstündə bir allah bilir ki, nə qədər əziyyət çəkmişəm” (M.Hüseyn. Səhər. IV hissə, 8 fəsil) и [... В Бога-то ты веришь?] – В Бога нет того создания, чтоб не верило (И.Бунин. Птицы небесные) обнаруживают как структурные, так и семантические сходства; обе конструкции являются также стилистически маркированными.

Однако такое положение еще не дает оснований для далеко идущих выводов относительно структурно-семантической идентификации этих конструкций. Здесь особое значение приобретает вопрос, почему интерпозиция главного предложения становится возможной лишь в определенных типах СПП, точнее говоря, в одночленных структурах изъяснительного типа, в которых линейная организация, по словам И.Н.Кручининой, «еще более способствует оттеснению главной части на периферийные («вводные») позиции и превращению ее в средство модального оформления («модальную оправу») придаточной, ... поддерживая издавна действующую тенденцию к слиянию этих частей в одну предикативную единицу» (6, с. 247). Не согласиться с такой оценкой очень трудно. Вместе с тем следует отметить следующее. Эволюция в направлении развития функционально-семантической целостности и проявления признаков монопредикативных единиц характерна не только для анализируемых конструкций, но и основной массы СПП вообще. Следовательно, проявление признаков синкретичности этих СПП с простыми предложениями особой дифференцирующей силы не имеет. Более того, отмечаемая в этих конструкциях модель актуального членения, о которой пишет И.Н.Кручинина – «тема // переход / рема», – является скорее всего следствием, а не причиной функционально-семантической монолитности, «монопредикативности» данного типа СПП. Диалектика «диктумно-модусных» отношений уже составляет основу этой монолитности, «монопредикативности»: и при прямом линейном расположении, и при его «нарушенном» варианте в этих предложениях наблюдается в принципе одна модель актуального членения: Нет того создания, // чтобы не верило в Бога = В Бога / нет того создания, // чтобы не верило; – Bir Allah bilir ki, // mən onun üstündə nə qədər əziyyət çəkmişəm = Mən onun üstündə / bir Allah bilir ki, // nə qədər əziyyət çəkmişəm.

Сходная картина актуального членения в этих случаях различается тем, что элемент (или элементы), «семантико-синтаксически прикрепленные к постпозитивной придаточной части СПП, выносятся в начало и помещаются перед главной частью, придавая всей конструкции рамочное строение: – А мы его / три года будет, / как знаем...» (18, с. 129). О рамочном расположении частей в этих единицах пишут и авторы коллективной монографии «Русская разговорная речь»: «... зависящая предикативная структура обрамляет главную» (15, с. 398). Появление отме-

ченных «рамочных» структур в речи интерпретируется с точки зрения необходимости актуализации тех или иных элементов («ключевых моментов») в процессе речи. Так, анализируя конструкцию «Посылку видели как запаковали?», авторы названной работы отмечают: «Говорящему важно узнать прежде всего о двух элементах ситуации – «посылка» и «видели». Соответственным образом он и начинает речь, помещая остальные члены высказывания в конец. Вследствие этого и построение высказывания говорящим, и его понимание слушающим приобретает как бы циклический характер...» (15, с. 399).

Наблюдения над фактическим материалом как русского, так и азербайджанского языка позволяют, как нам представляется, квалифицировать эти конструкции несколько иначе, чем это принято в работах, которые мы рассмотрели выше.

Трудно согласиться, на наш взгляд, с утвердившимся мнением о сугубо разговорной принадлежности СПП с интерпозицией главной части, об их ненормативном, окказиональном характере. При этом мы исходим из следующих аргументов.

I. СПП отмеченного типа находятся в системных отношениях с конструкциями:

а) которые считаются «этимонными» по отношению к ним; т.е. исходно-нормативными: предложения типа «От него всегда знаешь, чего можно и чего нельзя ждать» (К.Симонов. Живые и мертвые, гл. XVI) воспринимаются вторичными, разговорно-речевыми по сравнению с «исходными» типа «Всегда знаешь, чего можно и чего нельзя от него ждать» или «Всегда знаешь, от него чего можно и чего нельзя ждать».

В таких случаях, кажется, вполне справедливо говорить о широких парадигматических возможностях данных конструкций, которые в этой системе «ассоциативного ряда» объединяют речевые и языковые формы проявления, нормативные и стилистически якобы ущербные модификации. Такое соотношение форм – достаточно твердая основа для определения не только синтаксической природы этих конструкций, но и их статуса – места в общей системе сложноподчиненных предложений, их роли в сфере синтаксической синонимии. Идентичная картина вырисовывается в азербайджанском языке: *Musiqi zövqünə ol kəs ki deyildir vaqif / Bu busatın nə bilir ki, nə şərafətləri var* (Ə.Vahid. *Musiqi məclisinin...*) = ...*Bu busatın, nə bilir, nə şərafətləri var = Nə bilir ki, bu busatın nə şərafətləri var.*

Последняя конструкция с препозитивной главной частью в этом парадигматическом ряду, как правило, считается эталоном, нормативно-безупречным.

б) подобные системные отношения легко обнаружить также между тремя «формами» этих конструкций: построенными либо при участии подчинительных союзных единиц (*Я вижу*, что вы не тороваты на угощение; *Вы, я вижу*, что не тороваты на угощение), либо без их участия (*Вы, я вижу*, не тороваты на угощение (И.Бунин. *Деревня*, гл. III), либо в форме включенного вводно-модального слова или сочетания (*Вы, вижу*, не тороваты на угощение = ср.: *Вы, видно*, не тороваты на угощение).

Сугубо модусная функция характерна для интерпозиционной структуры во многих конструкциях, в которых интерпозиционный элемент выражен одним сказуемым словом «знаю», «*bilirəm*», «говорят», «*deyirlər*» и т.п., а также его отрицательной формой «не знаю», «*bilmirəm*» и т.п. Чем распространеннее интерпозиционная часть, тем больше она структурно дистанцируется от вводно-модальных слов. Что касается участия подчинительного союза, то его наличие рядом с модус-

ными сказуемыми чисто синтаксически переводит сочетания «знаю, что...», «bilirəm ki, ...» в разряд предикативных единиц, если даже последние и им подобные в известной степени сохраняют также и модальное значение. Сравним:

1. *Gecə yarısı onlar bir də görürdün (ki), İbişlə başmaq seyrinə çıxdılar, səhərə yaxın qayıtdılar* (M.Cəlal. Plovdan sonra); *O səhənnəm istisinə bilmirəm (ki), onlar necə dözürlər* (M.Hüseyn. Səhər. Narahat şəhər); – *Ana, ola bilərmə ki, Gülbaharı bura gətirdəsən, yazıqdır, mənim könlüm bilmirsən (ki) nə mərtəbədə onu istəyir!* (N.B.Vəzirov. Müsibəti Fəxrəddin, II məclis); – *Hacı, mal tutanlar bilmirsən (ki) necə hiyləgərdirlər* (M.F.Axundov. Hacı Qara, II məclis).

2. Попов приехал вчера, и статью, я думаю, (что) кончил (14, с. 240); А нам, вы знаете, (что) неудачные мастера попались (18, с. 131) и т.п.

Следует в этой связи отметить, что вопрос о соотносительности и взаимопереходах интерпозитивных главных предложений и вводно-модальных глагольных слов или иных сочетаний требует более глубокого изучения, поскольку, как показывают наши предварительные наблюдения, здесь отчетливо выделяются три группы конструкций: а) конструкции с безусловно интерпозитивной главной частью (см. примеры в начале нашего сообщения); б) конструкции с сугубо вводно-модальным элементом (*O biçərə, yəqin ki, qəxi artıq bura gəlmək istəyir* (N.B.Vəzirov. Müsibəti Fəxrəddin) = досл.: Эта бедолага, наверняка, очень хочет прийти сюда), напоминающим по форме сокращенную предикативную единицу «*yəqin etmək olar ki...*» или «*Başqa mehparələr eşqində gözümdən düşdü, / Qətrə gözdən düşər, əlbəttə ki, dəryaya görə* (Ə.Vahid. Qaçdı səhralara Məsnun...); в) конструкции синкретичного, переходного типа (см. примеры групп 1, 2 чуть выше).

II. Системные свойства анализируемых конструкций СПИ проявляются и в другой плоскости: элемент, выносимый в самое начало общей рамочной конструкции, может быть эксплицирован разными членами придаточного предложения.

1. *Ancaq... bizim Günəş, mən bilirəm ki, bu beş-altı ildə nə əzablar çəkib* (C.Qədirzadə. Kəndimizdə bir gözəl var); – *Həqiqət, sən özün necə ki dedin, heç kimə gərək deyil...* – *Mağaranın ruhu bunu deyib güldü* (K.Abdulla. Unutmağa kimsə yox... VI fəsil). 2. *Yar üçün aşıq odur ki, şövlə candan keçsin* (Ə.Vahid. Demə, ey gül, ölərəm...); *Hər şeyin, doğru demişlər ki, xridarı gərək* (Ə.Vahid). 3. *Alacaqsan, bilirəm, canımı mən naz ilə...* (Ə.Vahid. Gözəlim, ey dutar axır). 4. – *A kişi, nə yaxşı deyirəm ki, bizim köhnə zamanda quyularda taxılımız qalırmiş, yoxsa bu bahaçılıq illərində çox korluq çəkərdik* (M.F.Axundov. Hacı Qara, IV məclis); – *Dar günündə, baxarsan ki, insandı, / Düşmənin günü düşməninlə düşməndi...* (Aşıq Ələskər). 5. – *Mən sizin qapıda, özün bilirsən ki, neçə illərdir çörək yeyirəm* (M.Cəlal. Dirilən adam); *Alıbdır könlümü, heyrdəyəm ki, gözlərin fikri* (Ə.Vahid. Dun oldum zovgi meydən...).

Как видим, препозитивным (вынесенным) членом предложения могут быть подлежащее (1-я пара примеров), дополнение (2-я пара), сказуемое (3-я пара), обстоятельство (4-я пара), а также разные сочетания членов придаточной части (5-я пара). Не представленным в этой позиции делегированных членов придаточной части оказывается лишь определение. Это, видимо, связано с логикой сочетаемости определения с определяемым именем, не допускающей разрыва, дистантного расположения элементов единого атрибутивно-именного сочетания.

III. Одним из релевантных свойств СПП с интерпозицией главной части является экспликация этого главного предложения разными функциональными (по целеустановке) типами предложения. Интерпозитивная главная часть может быть представлена как повествовательными, так и вопросительными или же побудительными предложениями:

1. Birisi, görürsən ki, sübhdən axşama kimi qarışqa kimi çalışır, vuruşur, pul qazanır (Ə.Наqverdiyev. Dağılan tifaq, I məclis); Bu dəfə mən bilirəm, o donuz uşağına nə divan tutacağam (M.Hüseyn. Səhər. Bahar uğrunda, XVIII fəsil); 2. Özüm kimi hanı aşıq ki, əhli hal olsun (Ə.Vahid. Mən öz nigarımın...); Əncümən əhlinin, qoçaq, sən demədinmi, bir tək /Verməyəcək riza gələ ölkəmizə Atabəki?! (M.Ə.Sabir. Hə, de görüm...); 3. Mırt-mırt oxumaqdan, kişi, bir qan ki, pul olmaz! (M.Ə.Sabir. Bilməm nə görübdür...); Bəylik, göylük, zəylik olan məclisdə, qaç ki, orda xeyir-bərəkət olmaz (Aşıq Ələskər. Arif məclisində).

IV. Функциональные и парадигматические возможности СПП с интерпозицией главного предложения в известной мере создают определенную почву для фразеологизации этих конструкций в целом, в силу чего интерпозитивная главная часть приобретает характер синтаксического фразеологизма, выступая при этом в качестве члена предложения.

Это свойство анализируемых конструкций отмечается Н.А.Давыдовой, которая фиксирует фразеологически связанное значение сочетания интерпозитивной единицы (знаете; знаешь и т.п.) с элементом придаточной части. Такие сочетания выступают в роли одного члена предложения: У них техника, знаете какая? (т.е. прекрасная) (см. 18, с. 134).

Материал азербайджанского языка поддерживает эту идею: – İndi də səni tək qoyub gedib dağda, bağıtıda, kim bilir hansı kefə... (M.Cəlal. Dirilən adam. Yanğı) = yəni: könlü istəyən kefə.

Здесь сочетание «предикативной» единицы «kim bilir» со словом «hansı» выступает в функции единого обстоятельственного члена предложения. Ср.: Денег, по словам Натальи, прежде не знали куда девать (И.Бунин. Суходол) = некуда было девать (много было). Данное фразеологически связанное значение, таким образом, формируется только при отмеченном сочетании интерпозиционного главного предложения с одним из слов-элементов придаточной части: – Dustaqların başına sən bilmirsən (ki) nə oyun gətirirlər (M.Hüseyn. Səhər. III hissə) = Dustaqların başına itin oyununu gətirirlər. На наш взгляд, с точки зрения именно такого понимания (т.е. признания единым членом предложения интерпозиционной главной части) следует квалифицировать конструкцию, которую рассматривает Г.Ш.Кязимов: «Üzünə ağ çəkilmiş bədənnuma güzgü on yeddi ildir ki, balaca otaqda dustaqdır», который первым из азербайджанских синтаксистов признает интерпозицию главного предложения в СПП (2, с. 322). Для убедительности сказанного сравним варианты одного предложения: – Bəli, Mərdanın yuxusu nə vaxtdandır ki, göyü çəkilibdir = Bəli, Mərdanın yuxusu nə vaxtdandır göyü çəkilibdir (S.Rəhimov. Şamo. III cild. VII hissə, IV fəsil). В обоих случаях есть основания считать подчеркнутые единицы обстоятельственным членом предложения, хотя в первом предложении интерпозитивная главная часть по всем параметрам отвечает требованиям односоставного безличного предложения.

Фразеологизация отмеченных сочетаний еще раз подтверждает высокую степень взаимопроникновения частей (компонентов) СПП с интерпозицией главного предложения.

Следовательно, трактовка грамматической природы анализируемых конструкций лишь с позиций периферийного функционирования, т.е. с позиций несистемных речевых форм, не может претендовать на окончательную оценку и решение.

Видимо, эти конструкции должны быть изучены в пределах системных признаков, которые представляют конститутивные свойства как с точки зрения лексико-грамматической экспликации интерпозитивной главной части, так и с точки зрения разнообразных форм обрамления главной части придаточным предложением. Сравнительно объемную информацию об этих факторах в данном сообщении мы представили. На основе этих параметров можно сделать, на наш взгляд, некоторые обобщения относительно универсально-языкового характера анализируемого явления: оно в тех или иных масштабах обнаруживает себя не только в русском и азербайджанском языках, но и других индоевропейских языках, о чем достаточно конкретно говорится в упомянутой работе И.Н.Кручининой (см. 6, с. 234) и в книге Г.Пауля (20, с. 361).

Особый интерес данное явление представляет в аспекте его языковой базы – почему СПП с интерпозицией главной части формируются (структурируются) на базе СПП, в основном, изъянительного значения, т.е. СПП с одночленным, изъянительным придаточным, для которых характерна связь при помощи союзов что и чтобы и соответственно в азербайджанском языке – синтаксического широкопрофильного союза ki.

Более того, квалификация конструкций СПП с интерпозицией главной части в азербайджанском языке с опорой на трактовку и научное осмысление этих единиц в русистике не может быть признана адекватной ни с позиций степени их частотности (в азербайджанском языке их, по нашим примерным подсчетам, несравненно больше), ни по широте распространенности во многих функциональных стилях: конструкции из азербайджанского языка одинаково «успешно» употребляются как в речи персонажей художественных произведений, так и в авторской речи классиков художественного слова. Эти конструкции облюбовали себе место в современной публицистической речи. Все это свидетельствует о вполне сложившейся модели азербайджанского СПП с отмеченной интерпозицией главного предложения и о ее (модели) особом месте в общей парадигматико-синтагматической системе сложноподчиненных предложений вообще.

Рассматриваемые нами конструкции – прямая иллюстрация одной из ветвей общего семантико-структурного развития модификационных возможностей СПП в обоих языках; и здесь, как нам кажется, данное явление предстает языковой универсалией, хотя, как видим из анализируемого материала, в русском языке эти конструкции пребывают в начале процесса становления, формирования как нормативных единиц; в азербайджанском языке СПП с интерпозицией главного предложения достаточно твердо заявляют о своей нормативности.

В заключении считаем необходимым отметить один весьма важный момент, связанный с причинами изначально сложившегося научного мнения относительно

рассматриваемых конструкций как единиц «не от мира сего», т.е. случайных разговорно-обиходных структур.

Теория сложноподчиненного предложения, как известно, на протяжении почти двух веков складывалась на базе идеи изоморфизма между этими единицами и простым распространенным предложением: грамматическая природа СПП трактовалась с точки зрения признания придаточного предложения функциональным субститутом того или иного члена главного предложения. На это указывали Ф.Буслаев (21, с. 279), Г.Пауль (20, с. 354) и многие известные ученые.

Такое понимание грамматической природы СПП не противоречит вариативным возможностям позиционного расположения придаточного предложения (пре-, интер-, постпозиции), при которых четко вырисовываются служебная (членопредложенческая) функция придаточного предложения и главенствующая, подчиняющая роль главного предложения, которое при этом может занимать лишь препозицию или постпозицию по отношению к своему придаточному. По этой логике интерпозиция главного предложения противоречит функционально-грамматической сущности структуризации СПП. Следовательно, интерпозиция главной части в отмеченных рамочных конструкциях подспудно воспринимается как явление из ряда вон выходящее.

Мы же, напротив, думаем, что рассматриваемые конструкции нагляднее, чем обычные, нормативные конструкции СПП, самым парадоксальным образом («от противного») подтверждают функциональную монолитность гипотактического построения, его семантико-структурную «нераздельнооформленность» и наивысшую степень взаимопроникновения и взаимообусловленности частей СПП этого типа.

Сказанное дает, на наш взгляд, достаточное основание признать рассматриваемые конструкции в качестве особой, специфической модели сложноподчиненных предложений в обоих языках.

Литература

1. Ə.Z.Abdullayev. Mūasir Azərbaycan dilində tabeli mürəkkəb cümlələr. Bakı. Maarif, 1981.
2. Q.Ş.Kazimov. Mūasir Azərbaycan dili. Sintaksis. Bakı, Azpoliqraf, 2004.
3. Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц. В 2-х ч. Ч. 2. (под ред. Е.И.Дибровой). Изд. 2-ое. М., Академия, 2006.
4. А.Н.Гвоздев. Современный русский литературный язык. В 2-х ч. Ч. 2. Синтаксис. Изд. 2-ое. М., Госпедгиз, 1961.
5. В.А.Белошапкина. Сложное предложение в современном русском языке. М., Просвещение, 1967.
6. И.Н.Кручинина. Об одном способе линейной организации сложного предложения // Синтаксис и норма. М., Наука, 1974, с. 235-248.
7. Современный русский язык (под ред. В.А.Белошапкиной). М., Высшая школа, 1981.
8. Л.Ю.Максимов. О порядке частей в сложноподчиненном предложении // Русский язык в школе, 1968, № 1, с. 94-102.
9. Н.Ш.Мамедов. Коммуникативная структура сложного предложения. Баку, Мутарджим, 2008.
10. Гулыга Е.В. Теория сложноподчиненного предложения в современном немецком языке. М., Высшая школа, 1971.
11. С.Я.Крючков, Л.Ю.Максимов. Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения. Изд. 2-ое. М., Просвещение, 1977.

12. Г.В.Валимова. Функциональные типы сложных предложений в современном русском языке. Ростов-на-Дону, Изд. РГУ, 1967.
13. А.А.Шахматов. Синтаксис русского языка. Л., Учпедгиз, 1941.
14. С.Г.Ильенко. Вопросы теории сложноподчиненного предложения в современном русском языке. Докторская диссертация 1964.
15. Русская разговорная речь (под ред. Е.А.Земской). М., Наука, 1973.
16. Л.П.Даниленко. Сложноподчиненные предложения с главной частью внутри придаточной // Вопросы грамматики русского языка. Л., Наука, 1971, с. 42-44.
17. Н.Ф.Павлюченкова. Изменение структуры предикативных частей сложноподчиненных предложений с придаточными определительными в процессе формирования русского литературного языка // Средства выражения предикативных значений предложения. Межвузовский сборник научных трудов. М., Изд. МОПИ им. Н.К.Крупской, 1983, с. 111-125.
18. Н.А. Давыдова. Проявление синкретизма в русской разговорной речи // Синкретизм семантики синтаксических единиц. Межвузовский сборник научных трудов. Ростов-на-Дону, Изд. РГПИ, 1988, с. 128-136.
19. В.Новаковский. Синтаксический курс русского языка. СПб, 1860.
20. Г.Пауль. Принципы истории языка. М., Иностранная литература, 1960.
21. Ф.И.Буслаев. Историческая грамматика русского языка. М., Учпедгиз, 1959.

XÜLASƏ

Məqalədə rus və Azərbaycan dillərinin tabeli mürəkkəb cümlə sintaksisində xüsusi bir hal kimi baş cümlənin interpozisiyasından söhbət gedir. Hər iki dilin qanunauyğunluqlarına görə belə bir hal tabeli mürəkkəb cümlə sistemi üçün qeyrinormativ hesab olunur və adi danışiq diki (nitqi) üçün xarakterik bir forma kimi səciyyələndirilir. Halbuki rus dili səviyyəsində danışiq nitqinə aid olan bu hal Azərbaycan dilinin hipotaktik konstruksiyaları üçün ədəbi dil normaları sisteminə daxil ola bilmişlər, çünki bu konstruksiyalar həm poetik, həm publisistik, həm çox vaxt müəllif dilində (bədi nəsər əsərlərində) də özünə yer etmişdir.

SUMMARY

The article deals with the interposition of main clause as a special case in the Azerbaijan and Russian syntax. According to the existing rules in both languages, such case is considered non-normative for complex sentence system and mostly belongs to spoken speech. However, this case, at the level of Russian language, could interfere to the literary language system for hypothetical constructions of Azerbaijan language, as these combinations have their important place in poetic works, in publicistical, as well as in author language (in literary prose works).